
А. Я. ФЛИЕР

КУЛЬТУРА ЛИШЕНИЯ ЖИЗНИ

Убийство человека человеком – насильственное лишение жизни – часто санкционировано культурными ценностями и нормами. В статье представлена систематизация убийств, совершаемых в рамках культурных норм и в нарушение их. Анализируются элементы профессиональной культуры палачей.

С позволения читателя я не буду вдаваться в этические рассуждения о безнравственности убийства, чем бы оно ни обосновывалось, и приводить цитаты из трудов философов, в той или иной форме затрагивавших этот вопрос. Моя статья – не философская, а культурологическая, и основывается она на том, что факт насильственного лишения жизни в истории существует, он принят в культурах, законах и обычаях практически всех народов и социальных сословий. Этот культурологический аспект проблемы мне и хотелось бы проанализировать как общераспространенный феномен институциональных и обыденных культурных норм (убийство как тривиальный обычай коллективного существования людей).

Казалось бы, убийство – насильственное лишение жизни – никоим образом не совместимо с категорией культуры. Культура – это созидание, а не разрушение. В этом ракурсе понятия «культура» и «убийство» явно не могут быть поставлены в один ряд. Вместе с тем коли лишение жизни – феномен социальной практики, значит, оно подвергается какому-то культурному регулированию. Ибо нет таких феноменов социальной практики, которые бы не регулировались культурно. Как заметил Ж. Деррида (2000: 313), «внетекстовой реальности просто не существует». Перефразируя автора, можно сказать, что ничто человеческое (и даже смерть) не чуждо культуре и просто невозможно вне ее.

Помимо того, есть и еще одна характеристика культуры, не менее значимая, чем ее созидательная и регулятивная направленность. Это *конвенциональность*: к области «культуры» относятся по преимуществу те действия и результаты, которые произведены в соответствии с принятыми в данном сообществе «социальными

конвенциями» – законами, обычаями, нравами, традициями, технологиями, этикетом и пр. Эти «социальные конвенции», или «правила игры», накапливаются в сообществе веками как продукт стихийной или осознанной рефлексии исторического социального опыта и санкционируют или запрещают те или иные действия, образ мыслей, производство определенных продуктов, форм социального поведения и т. п., которые соответствуют или не соответствуют устоявшимся нормам социального бытия. В конечном счете именно совокупность этих «правил игры», их местная специфика и созданные в соответствии с ними продукты и составляют тот гигантский системный комплекс образа жизни и картины мира, ценностных ориентаций и языков социальной коммуникации, который мы называем «культурой данного народа» или «субкультурой данного сословия».

Разумеется, есть еще и творчество (или инновативная деятельность) и инокультурные заимствования. Все они в какой-то мере нарушают действующие «социальные конвенции». Но в базовый массив культуры включается то, что нарушает местные конвенции лишь в очень ограниченных пределах и, нарушая, развивает их в русле уже наметившейся тенденции усовершенствования. Ведь и «социальные конвенции» обладают определенной динамикой изменчивости, хотя темпы ее, как правило, крайне замедленны. Впрочем, так было до XX века, который резко ускорил темп протекания социокультурной истории; а динамика ускорения темпа истории до сих пор еще не нашла должного теоретического объяснения (Розов 2002; Калинин 2003).

Интерес культуры к феномену смерти является одним из древнейших, что отражено прежде всего в появлении религии как системы оправдания смерти, утешения и обещания загробного существования. В каком-то смысле религию можно считать «социальной конвенцией» по поводу отношения к смерти и в первую очередь смирения перед ней (Флиер 2000). Рефлексия смерти присутствует во всех эпохах и большинстве религиозных текстов древности и Средневековья¹. Поскольку есть культура жизни, то неизбежна и культура смерти, что в последние десятилетия исследуется вполне основательно (Харт Ниббриг 2005; Арьес 1992; Ху-

---

¹ Чтобы не утомлять читателя бесконечным перечислением, назову лишь несколько первоисточников и богословских сочинений: Авеста 1993; Египетская... 2005; Упанишады 1988; Тибетская... 2004; Эпос о Гильгамеше 1973; Библия 1992; Сенека 1996; Абельяр 1959; Савонарола 1981.

земан 1997; Штайнер 2004; Элиаде 2002; Бородай 1996; Бодрийяр 2002; Гроф, Халифакс 1996; Эвола 2005; Бланшо 1994; Мордовцева 2001; Чанышев 2005). Сложилось даже такое философско-психологическое направление, как *танатология*, изучающее этот феномен с мировоззренческих и психологических позиций (Фигуры... 2001).

Но вот проблема «социальных конвенций» касательно искусственного лишения жизни (т. е. убийства) в науках о культуре еще не рассматривалась. И это странно. Есть ведь культура политической деятельности, составной частью которой являются военная культура и культура охраны общественного порядка. Обе они неизбежно связаны с проблемой применения оружия на поражение. Где соответствующие культурологические теории применения оружия? Есть и правовая культура, в систему которой входит культура наказания. Этим занимались М. Фуко (1999) и очень небольшое число иных исследователей (Янкелевич 1999). Но где же теория культуры наказания посредством лишения жизни? Где ее история? История наказания смертью как явления права (институализированного и обыденного) – это выдающееся историко-культурное исследование, пока что никем не написанное с удовлетворительной полнотой и лишь фрагментарно затронутое Фуко.

Не вдаваясь в отвлеченное теоретизирование по поводу насильственной смерти, будем различать убийства, совершающиеся в соответствии с действующими «социальными конвенциями» и вопреки им, т. е. то, что является местной «культурой лишения жизни» или не является таковой. Попытаемся суммировать наиболее распространенные примеры того и другого.

В данном списке мы не рассматриваем несчастные случаи, гибель людей по чьей-то халатности, неосторожности, в авариях, при ошибках или неудачах в действиях врачей и т. п., поскольку лишение жизни в этих случаях не является самоцелью их виновника. Кроме того, здесь принципиально не рассматриваются случаи преступлений против жизни, совершенных психически неадекватными людьми или по приказу таковых. Это уже проблема не культурологии, а психиатрии.

Совокупность казусов насильственного лишения жизни в рамках «социальных конвенций» достаточно велика. Это:

- смертная казнь по приговору суда (там, где она не отменена);
- убийство вооруженного противника на войне;

– внесудебная расправа с предателями, шпионами, трусами, дезертирами, мародерами и т. п., совершаемая во фронтовых условиях по приказу старшего по званию на месте происшествия;

– уничтожение особо опасных преступников (террористов, бандитов, повстанцев, партизан) при невозможности их задержания (фактически та же внесудебная расправа, обусловленная особыми обстоятельствами, подлинными или придуманными, в оправдание исполнителям);

– дуэль (осуществляемая по строгим правилам и в присутствии свидетелей);

– человеческие жертвоприношения и каннибализм как религиозные ритуалы (там, где они еще имеют место);

– аборт;

– убийство по обычаю (вендетта и другие варианты мести за фамильную честь, расправа с неверными женами и их любовниками, некоторые формы геноцида и пр., если это соответствует культурным нормам данного народа).

Следует особо подчеркнуть, что все эти убийства совершаются в полном соответствии с «социальными конвенциями», распространенными среди сообщества – носителя определенного социального опыта, соответствуют этому опыту, а иногда имеют и международный правовой статус.

Явно не подпадают под характеристики «культуры лишения жизни» на конвенциональных основаниях следующие случаи:

– криминальные убийства, совершаемые с разными целями (при грабеже, изнасиловании, по бытовым причинам, под воздействием алкоголя, из хулиганских соображений и пр.) и осуществляемые как отдельными людьми, так и организованными группами;

– терроризм (с такими его разновидностями, как партизанщина и революционная деятельность);

– убийство соперников в борьбе за власть;

– целенаправленное убийство мирного населения во время войны;

– убийство людей подневольных (рабов, крепостных, военнопленных, заключенных, арестованных, заложников и т. п.);

– убийство свидетелей;

– случаи смерти подследственных под пыткой или в ходе следствия;

– геноцид, совершаемый не по обычаю, а с политическими целями.

В данном случае никакими «социальными конвенциями» (кроме сговора между заказчиками и исполнителями) подобные прецеденты лишения жизни не обосновываются и совершаются как акции, нарушающие законы страны или международные соглашения.

Можно выделить и некоторые спорные случаи:

– эвтаназия, запрещенная законом, но совершаемая по согласованию больного с врачом;

– убийства в ходе криминальных разборок (дележ территории или добычи, возмездие за предательство, обман партнеров и т. п.);

– «принудительные состязания», особо опасные для жизни участников (от гладиаторских боев до провоцирования конфликтов или «состязаний» среди заключенных);

– государственный террор (массовые убийства населения с целью политического запугивания или истребление населения завоеванных территорий с той же целью).

Здесь все не так просто. В случае эвтаназии все-таки имеют место добровольное согласие жертвы на смерть и даже инициатива со стороны умирающего; криминальные разборки представляют собой локальную гражданскую войну, ведущуюся в профессионально изолированной среде; гладиаторские бои (и им подобные) – это имитирующие дуэль шоу для толпы, жаждущей зрелищ; акции террора проводятся по распоряжению высших должностных лиц государства, что придает террору определенную легитимность. Т. е. по одним признакам рассмотренные случаи подпадают под «убийство по правилам», а по другим – нарушают этот принцип.

Замечу, что приведенная классификация «конвенциональных убийств» в основном актуальна лишь для последних полутора-двух веков. 500 лет назад многое из того, что здесь рассматривается как противозаконное убийство, являлось вполне конвенциональным (грабеж и убийство мирных жителей солдатами, смерть под пыткой, убийство заложников, заключенных, соперников в борьбе за власть и др.). Помимо того, надо помнить, что существовала и строгая сословная дифференциация: то, что разрешалось представителям высших сословий, запрещалось представителям низших. Например, дуэль между аристократами не всегда разрешалась законом, но общественным мнением вполне оправдывалась; такой же поединок между крестьянами рассматривался как обычное бытовое убийство. Две тысячи лет назад список конвенциональных оснований для лишения жизни был намного длиннее, а на заре человеческой истории – в первобытную эпоху – запрещено было лишь уби-

вать члена собственного рода (по любым причинам), все остальное не возбранялось.

Таким образом, по ходу истории список конвенциональных убийств (разрешенных законом или обычаем) постепенно сокращался и, видимо, будет сокращаться и далее, пока любая насильственная смерть не окажется под запретом. Это будет одной из важнейших социокультурных революций в истории (перемен в «социальных конвенциях»), и человечество очень постепенно, но неуклонно к ней идет.

Можно выделить несколько мотиваций убийства:

– *эмоциональная* – месть человеку, совершившему нечто, эпатировавшее моральные установки сограждан, или организации, совершившей подобное деяние, чьи интересы этот человек олицетворяет;

– *правовая*, формально преследующая цель оградить сограждан от продолжения чьей-то преступной деятельности, но на самом деле подталкиваемая общественным мнением к той же мести за содеянное (наглядным примером служит негласная установка полицейских всего мира на физическое уничтожение преступников на стадии захвата на основании понимания того, что многие из них будут оправданы судом за недостатком улик или получают символическое наказание);

– *военная*, основанная на понимании того, что вторжение иностранных захватчиков или захват власти революционерами приведут к серьезному нарушению системы социально-культурной идентичности и культурных форм, господствующих в данный момент; отсюда порыв к сопротивлению и уничтожению тех, кто несет заведомо неприемлемую культуру;

– *политическая* – физическое устранение наиболее опасных соперников в борьбе за власть;

– особым случаем *политико-правовой мотивации* является стремление к сокрытию правды в тех случаях, когда она политически неудобна для властей (при этом могут уничтожаться и свидетели, и задержанные, и даже исполнители акции уничтожения).

Хотя в этимологии русского языка слова «право» и «правда» являются однокоренными, на самом деле для *права* нет ничего более неудобного, чем *правда*. И это отнюдь не только наша ментальная особенность, хотя, наверное, в России это приводит к крайним случаям преступности в среде сотрудников правозащитных органов.

Универсальным основанием для насильственного лишения жизни является специфика понимания и интерпретации в культуре того или иного народа и сословия понятия «справедливость». Все вышеприведенные мотивации так или иначе апеллируют к *справедливости* наказания посредством лишения жизни (Ролз 1995). Классической является установка, согласно которой преступник или противник, повинный в убийстве кого-либо, по справедливости тоже должен быть наказан смертью. Классический принцип «око за око». Кроме того, на протяжении истории существовало (или существуют до сих пор) еще множество оснований для лишения жизни: политическая или сексуальная измена, религиозная или идеологическая ересь, борьба за власть, оскорбление личной или фамильной чести, воровство в особо крупных размерах, преступное неисполнение должностных обязанностей, личная неприязнь властителя или крупного начальника и т. п. Как правило, и здесь латентно задействовано субъективное понимание справедливости.

В древности и в Средневековье действовало особое право «человека с мечом» (Кардини 1987; Маккенни 2004). По своему положению он был наделен правом убить любого человека более низкого статуса за любой проступок и даже по подозрению в дурных намерениях и, как правило, не нес за это никакой ответственности. Такое право существовало во всем мире со времен «военной демократии», наиболее полно было реализовано в рыцарском (самурайском) этосе и продержалось в обычаях Европы фактически до эпохи Просвещения, а на Востоке – до начала XX века. Исторически оно основывалось на том, что пока крестьяне пахали, аристократы пировали; но когда начиналась война, сражаться и умирать на поле боя шли именно аристократы, пока крестьяне отсиживались в кустах. Поэтому право «человека с мечом» считалось справедливым обычаем.

В XX веке фактически такими же полномочиями обладали эсэсовцы и гестаповцы в нацистской Германии, сотрудники госбезопасности в ленинско-сталинском СССР и иных коммунистических странах. В данном случае, разумеется, это право строилось не на соображениях справедливости, а только на политической целесообразности.

Вместе с тем не следует забывать, что в культурах разных народов и сословий представления о справедливости и обоснованных формах ее осуществления (в частности, наказания смертью) могут

заметно различаться. В Китае было принято убивать неверных жен, а в Испании – их любовников; инквизиция казнила за контакты с дьяволом, а советское правосудие – за идейный уклонизм; в США предавали смерти за торговлю наркотиками, а в СССР – за валютные операции; дворяне вызывали на дуэль за недобрый взгляд, а крестьяне расправлялись за покос на чужом лугу (Гитин 2005).

Добавим, что по ходу истории и по мере развития и распространения по миру просвещенческих либеральных идей представления о справедливости и возмездии постепенно унифицировались, меняясь, как правило, в сторону отказа от идеи возмездия и смягчения наказаний.

Вопрос о «культуре лишения жизни» невозможно рассмотреть без анализа культуры исполнения наказания, т. е. профессиональной культуры палачей. В отличие от проституции эту профессию действительно можно считать одной из древнейших, родившейся одновременно с первыми протогосударственными образованиями, властью и законами, запрещающими что-то, а соответственно и наказаниями за нарушение законов или обычаев.

Поначалу функции палачей исполняли обычные воины, которые убивали жертву так же примитивно, как и врага на поле боя. Но когда казни стали отличаться от простого убийства и превратились в квалифицированные публичные процедуры, выяснилось, что для этого требуются и особо квалифицированные специалисты (Плейди 2002; Бич и молот... 2005). Высокопрофессиональные палачи встречались сравнительно редко и ценились буквально на вес золота. Хотя они быстро становились весьма состоятельными людьми (плата за этот «труд» была довольно большой), но освоение столь высокого «искусства истязания и умерщвления» оказалось очень трудным делом. В этом «искусстве» подлинных высот достигали очень немногие. Отдельные высококвалифицированные палачи получали и международную известность. Случалось, что прославленного палача приглашали за большое вознаграждение за границу для свершения особо квалифицированной казни.

В принципе палач должен был:

- владеть несколькими десятками способов пытки;
- быть хорошим психологом и быстро определить, чего жертва боится больше всего (человек нередко дает показания не столько от боли, сколько от страха перед предстоящим истязанием);

– квалифицированно составлять сценарий пыток и применять эти пытки так, чтобы жертва не умерла до казни (или наоборот – умерла на допросе, если ставится такая задача);

– с равным совершенством владеть несколькими способами казни;

– совершать процедуру казни «ювелирно» – точными действиями, чтобы не причинять жертве лишних мучений или наоборот – сделать казнь предельно мучительной, если этого требовал приговор или власти (Льоренте 1936).

Палачей, владеющих своим «искусством» на высоком уровне, явно не хватало, а с учетом того, что по всему миру ежедневно совершались тысячи казней (одна Святейшая инквизиция иногда совершала сотни аутодафе в день [Григулевич 1985]), то большинство казнимых принимали смерть из рук неумелых палачей, что сопровождалось ужасными мучениями. Очень наглядно эту ситуацию обрисовал А. Н. Толстой в романе «Петр Первый», когда в день стрелецкой казни царь обязал всю боярскую думу исполнять функции палачей, притом что многие бояре были уже глубокими стариками, а некоторые (думные дьяки) и оружия в руках никогда не держали (Толстой 1956).

Проще решался вопрос с казнями на войне. Жертву обычно убивали ее же товарищи – профессиональные воины, хорошо владеющие оружием. Да и форма лишения жизни тут мало отличалась от обычной гибели в бою. Характерно, что в Европе в позднем Средневековье в палачи обычно шли бывшие ландскнехты (Маккенни 2004).

Важным аспектом «культуры лишения жизни» является вопрос о степени ее жестокости, мучительности или, напротив, сравнительно не мучительных формах. Я прошу прощения у читателя за то описание ужасов, которое следует ниже. Благодаря художественной литературе последних веков у европейцев сложилось представление о том, что по способам убийства Восток отличался особой жестокостью. Это очевидная иллюзия, основанная на том, что мы знаем историю не по документам, а в основном по романам и фильмам. На самом деле сопоставление вырывания сердца из груди живого человека (ацтеки XV–XVI веков), сожжения на медленном огне (средневековая Европа), «раздирки» человека четырьмя конями (средневековая Русь), сдирания с живого человека кожного покрова (мусульманский Восток), сажания на кол (Турция и Крым-

ское ханство в XIV–XVIII веках), напаивания человека водой до разрыва внутренностей (Древний Китай), бросания жертвы на растерзание львам (Древний Рим) или крокодилам (Нигерия в период колонизации) и многих иных способов предания мучительной смерти (Гитин 2005) не говорит нам об особой жестокости одних народов и гуманности других. Представляется, что в этом аспекте все были примерно равны.

В конечном счете все упиралось в то, сколько человек требовалось предать смерти одновременно. Чем больше, тем более примитивным и менее мучительным способом это делалось. Вместе с тем действовали и некоторые идеологические принципы. Христианская церковь, например, стремилась казнить, не проливая крови, и поэтому сжигала свои жертвы на кострах. Количество сожженных за пять веков только в Западной Европе и Латинской Америке оценивается в 50 000 человек (Лозинский 1927). Но эта казнь и не требовала особой квалификации от исполнителей.

Начиная с эпохи Просвещения, встал вопрос о том, что если казни и нельзя избежать, то человечнее это совершать наименее мучительным способом. Первым опытом изобретения относительно немучительной «машины смерти» было появление гильотины во Франции в конце XVIII века (в отличие от неопытного палача здесь обезглавливание производилось автоматически, за долю секунды и без каких-либо накладок). В некоторых других странах самой гуманной считалась смерть через повешение, хотя при этом довольно частыми были технические неудачи. В военной среде было распространено обезглавливание мечом, но поскольку здесь многое зависело от сноровки палача (неумелый палач часто не мог сделать это одним точным ударом, чем причинял жертве чрезвычайные мучения), то европейские военные пришли к идее казни посредством расстрела как самой благородной и немучительной. Постепенно в большинстве стран расстрел стал наиболее распространенной формой казни (скорее по соображениям технической простоты), хотя кое-где придерживались и национальных традиций (например, в Испании долго оставалась в ходу гаррота – механизм для удушения, а во Франции гильотина применялась *публично* до середины 1950-х годов и была отменена только Ш. де Голлем).

Театрализованная форма расстрела (когда взвод солдат расстреливает одного или нескольких приговоренных, поставленных у каменной стенки) давно уже заменена гораздо более примитивной

(и, возможно, психологически менее страшной) процедурой выстрела в затылок из пистолета человеку, заведенному в специальную камеру. Впрочем, по российским законам перед казнью прокурор официально зачитывал жертве приговор, так что человек уже знал, куда и зачем его повели.

Дальше других в поисках сравнительно немучительного способа казни пошли США, где в начале XX века был придуман электрический стул (надежный, как гильотина), а в конце века в некоторых штатах пришли к казни путем инъекций: сначала успокаивающей, затем усыпляющей, а потом – спящему – инъекции, оставившие сердце. В основе этого решения лежало издавна известное мнение о том, что в равной степени мучительной является как сама смерть, так и приготовление к ней (например, конвоирование к месту казни, технические процедуры приготовления на месте, осуществляемые в присутствии осужденного). Вариант с инъекциями снимал мучительность и того и другого.

Но здесь мы сталкиваемся с другой стороной дела. Часто степень мучительности казни устанавливалась самим приговором (или пожеланиями власти), что обычно определялось не степенью виновности казнимого, а желанием произвести более сильный эффект на публику, сильнее устроить ее. А то, что длительные приготовления к казни нередко сводили приговоренного с ума, было заведомо просчитанной частью процедуры (трудно сказать, актом милосердия или еще большей жестокости).

Характерный пример. Г. Гиммлер в 1942 году, посещая с инспекцией части СС в Минске и присутствуя при массовом расстреле населения, упал в обморок. Именно после этого были изобретены печально знаменитые газовые камеры, которые должны были уберечь убийц от чрезмерных эмоциональных расстройств (Деларю 2004: 292–295).

Понятно, что в любом случае радикальное решение этого вопроса состоит в отмене смертной казни вообще – пути, по которому уже пошли большинство европейских стран, в том числе и Россия.

* * *

Таким образом, выявляются четыре основных социокультурных основания насильственного лишения жизни:

– возмездие (обычно в виде казни);

- уничтожение уничтожителя (война);
- политическая или экономическая конкуренция (с убийством соперников);
- устрашение населения (публичность казней и террор).

Н. Луман (2001) как-то заметил, что насилие применяется ввиду нехватки власти. В этой связи можно привести такое показательное сравнение. Наполеон Бонапарт за 15 лет положил на полях сражений несколько миллионов человек, завоевывая Европу. Но к репрессиям на захваченных территориях прибегал крайне редко, поскольку власть его была фактически безгранична. Напротив, И. В. Сталин ежегодно репрессировал тысячи людей, поскольку его личная власть была предельно неустойчивой и он почти никому не доверял, ибо сам мог пасть жертвой заговора в любой момент, единожды нарушив принцип олигархического правления, введенный еще В. И. Лениным. Как ни парадоксально, но личная власть А. Гитлера была более устойчивой, поскольку строилась на персональной харизме, а не на поруганных заветах отца-основателя; масштаб внутренних репрессий нацистов несопоставим со сталинским (речь идет не о завоеванных странах, а о самой Германии), и режим сгубила главным образом военно-стратегическая бездарность фюрера.

И все же следует помнить, что большинство погибших на полях сражений приходится на последние два века (особенно начиная с середины XIX века) преимущественно по причине технического усовершенствования оружия и придания ему массового поражающего свойства. До этого число жертв репрессий, криминальных или политических убийств существенно превосходило военные потери. Предполагается, что в XVI веке число казнимых примерно втрое превышало число убитых на войне (Маккенни 2004), т. е. преобладающими социокультурными основаниями для убийства были возмездие и борьба за власть, а в числе самих убийств имело место абсолютное преобладание индивидуального выбора жертв. Это еще одна тенденция изменения «культуры лишения жизни»: от индивидуального выбора к массовому уничтожению и от персонального наказания (возмездия за что-то) к демографическому истощению противника. Иными словами, «культура лишения жизни» все меньше базировалась на принципе справедливости (пусть и субъективной) и все больше – на политической целесооб-

разности. Надо заметить, что именно в XVI веке эта перемена и произошла.

Можно привести далеко не полный список наиболее значимых человекоубийц до XX века (технические возможности средств уничтожения людей в XX веке уже не позволяют проводить корректные сравнения). Создание исчерпывающего списка врагов рода человеческого пока не под силу. Я не буду приводить данные из истории Древнего мира типа «избиения младенцев» царем Иродом или истребления целых народов персидскими царями Ксерксом и Дарием, а также данных по жертвам турецких завоеваний, историческая достоверность которых сомнительна. Точно так же сомнительны и подсчеты потерь в войнах, ведшихся Китаем и монголами. Арабские завоевания и крестовые походы были умеренно кровопролитными.

Тем не менее, перечислить некоторых неординарных человекоубийц я могу.

Во-первых, это предводитель крестового похода против альбигойцев (XIII век) граф Симон де Монфор, автор знаменитой фразы: «Убивайте всех подряд. На том свете Господь отберет своих» (Бейтман 2004: 63). За два года он вырезал значительную часть населения Южной Франции (которая была населена гораздо плотнее, чем вся остальная Европа). По меркам того времени, когда даже в крупных сражениях погибало не более 200–300 человек, это произвело грандиозное впечатление на современников. Заметим, что в каком-то смысле де Монфора сумел «реабилитировать» перед историей его сын. Ведь именно он, переехав в Англию для вступления во владение именем жены и став одним из крупных британских лордов-магнатов, написал текст «Великой хартии вольностей», заложившей основы британской демократии.

Во-вторых, это вождь ацтеков Монтесума (первая половина XVI века), который лично совершал обряд человеческих жертвоприношений. Предполагается, что за 17 лет правления при его непосредственном участии было убито около 30 000 человек. Возможно, по числу убийств своими руками Монтесума не имеет соперников в истории (даже среди палачей).

В-третьих, это русский царь Иван Грозный. Число жертв его репрессий точно не подсчитано, но по урону, нанесенному русскому народу в процентах от общей численности (по оценкам истори-

ков), в годы его правления (во многом из-за кровавых репрессий) погибло до 30 % населения страны и по этому показателю заметно опережает Сталина.

В-четвертых, это среднеазиатский полководец Тимур (Тамерлан). Опять-таки с учетом технических возможностей оружия XIV века число жертв его военных кампаний в процентном отношении к населению стран, с которыми он воевал, заметно превосходит успехи Гитлера (пожалуй, только Польша по проценту потерь в годы последней войны может сравниться с деяниями Тамерлана, и известная картина Верещагина «Апофеоз войны» с ее грудой черепов в наибольшей мере относится к истории Польши). Впрочем, предполагается, что большинство жертв Тамерлана составляли не враги, убитые на поле боя, а военнопленные, которых он, как правило, истреблял поголовно, и мирное население, которое вырезалось целыми районами (кстати, в этом он не очень отличался от Гитлера).

В-пятых, это вождь английских индипендентов Оливер Кромвель. С размахом его репрессий (как в Англии, так и особенно в Ирландии) не могли потягаться ни крестоносцы на Востоке, ни Святейшая инквизиция в Европе и Америке, ни французские якобинцы. Пожалуй, только Ивана Грозного можно поставить в один ряд с Кромвелем.

В-шестых, это «присоединитель» Украины к России Богдан Хмельницкий. Его знаменитый «освободительный поход на Западную Украину» стоил польскому и еврейскому населению края многих десятков тысяч жертв – первый случай целенаправленного и массового еврейского геноцида (изгнание евреев из Палестины при Тите Флавии во II веке н. э., изгнание мавров и морисков из Испании в XV веке по числу уничтоженных людей даже близко не сопоставимы с этим), что для середины XVII века было цифрой (в ограниченных территориальных пределах), превосходящей даже смертность от чумы.

И наконец, в-седьмых, это французский император Наполеон Бонапарт. За 10 лет (1805–1815 годы) он истребил в своих войнах со всей Европой (по техническим возможностям оружия того времени) чудовищно много людей. С его военной активностью не может сравниться, пожалуй, никто из полководцев. Но вспомним противоречивую фигуру Симона де Монфора. Бонапарт тоже реабилитировался перед историей, написав Гражданский кодекс, который и поныне лежит в основе всех демократических конституций

(Мадоль 2000; Гитин 2005; Скрынников 1992; Лэмб 2003; Черчилль 2006; Ульянов 1996; История... 1938).

В конечном счете и возмездие, и политическая целесообразность в равной мере морально отвратительны; и никакого «нравственного прогресса» по ходу истории в этом вопросе не произошло. Впрочем, по моему мнению, нравственный прогресс истории вообще не свойствен.

Другое дело, что выстраивается чисто рациональное понимание уникальности и бесценности каждой человеческой жизни, необходимости сохранения ее как носителя знаний и информации, что уже ведет к отвержению идеи возмездия (по крайней мере, путем убийства), но пока еще бессильно против идеи политической целесообразности. Можно надеяться лишь на то, что процессы глобализации, радикально понижающие значимость политических средств управления, приведут к возобладанию информационных путей упорядочения жизни, что знание станет дороже власти, и это снимет с повестки дня проблему уничтожения людей по политическим мотивам.

Литература

- Абеляр, П.** 1959. *История моих бедствий*. М.: Изд-во АН СССР.
- Авеста.** 1993. М.: Дружба народов.
- Арьес, Ф.** 1992. *Человек перед лицом смерти*. М.: Прогресс-Академия.
- Бейтман, С.** 2004. *Симон де Монфор*. СПб.: Евразия.
- Библия.** Ветхий и Новый Заветы. 1992. М.: Изд-во Моск. Патриархии.
- Бич и молот.** Охота на ведьм. 2005. СПб.: Азбука-классика.
- Бланшо, М.** 1994. Литература и право на смерть. *Новое литературное обозрение* 7: 75–101.
- Бодрийяр, Ж.** 2002. *Символический обмен и смерть*. М.: Добросвет.
- Бородай, Ю. Ф.** 1996. *Эротика – смерть – табу: трагедия человеческого сознания*. М.: Гнозис.
- Гитин, В. Г.** 2005. *Всемирная история без комплексов и стереотипов*: в 2 т. Т. 2. Харьков: Торсинг.
- Григулевич, И. Р.** 1985. *Инквизиция*. М.: Политиздат.
- Гроф, С., Хэлифакс, Дж.** 1996. *Человек перед лицом смерти*. М.: Изд-во Трансперсонального ин-та.

- Деларю, Ж. 2004. *История гестапо*. М.: Центрполиграф.
- Деррида, Ж. 2000. *О грамматологии*. М.: Ad Marginem.
- Египетская книга мертвых. 2005. М.: Рамзес.
- История XIX века: в 8 т. Т. 2. 1938. М.: ОГИЗ.
- Калинин, И. 2003. Слепота и прозрение. Риторика истории России и «Риторика темпоральности» Поля де Мана. *Новое литературное обозрение* 59: 250–273.
- Кардини, Ф. 1987. *Истоки средневекового рыцарства*. М.: Прогресс.
- Лозинский, С. Г. 1927. *Святая инквизиция*. М.: Атеист.
- Луман, Н. 2001. *Власть*. М.: Праксис.
- Льоренте, Х.-А. 1936. *Критическая история испанской инквизиции*: в 2 т. Т. I, II. М.: Соцэкгиз.
- Лэмб, Г. 2003. *Тамерлан*. М.: Центрполиграф.
- Мадоль, Ж. 2000. *Альбигойская драма и судьбы Франции*. СПб.: Евразия.
- Маккенни, Р. 2004. *XVI век. Европа. Экспансия и конфликт*. М.: РОССПЭН.
- Мордовцева, Т. В. 2001. *Идея смерти в культурфилософской ретроспективе*. Таганрог: Изд-во ТИУиЭ.
- Плейди, Дж. 2002. *Испанская инквизиция*. М.: Центрполиграф.
- Розов, Н. С. 2002. *Философия и теория истории*. Кн. 1. *Прологомены*. М.: Логос.
- Ролз, Дж. 1995. *Теория справедливости*. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та.
- Савонарола. 1981. Об искусстве хорошо умирать. Вестник РХД III–IV(135): 99–154. Париж.
- Сенека. 1996. О скоротечности жизни. *Историко-философский ежегодник* (с. 16–40). М.: Наука.
- Скрынников, Р. Г. 1992. *Царство террора*. СПб.: Наука.
- Тибетская книга мертвых. 2004. Харьков: Фолио.
- Толстой, А. Н. 1956. *Петр Первый*. М. – Л.: Худ. лит-ра.
- Ульянов, Н. И. 1996. *Происхождение украинского сепаратизма*. М.: Индрик.
- Упанишады. 1988. М.: Наука.
- Фигуры Танатоса. Вып. 6. *Кладбище*. 2001. СПб.: Изд. дом Петерб. гос. ун-та.

Флиер, А. Я. 2000. *Культурология для культурологов: учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и искателей, а также преподавателей культурологии*. Ч. II. *Тезаурус* (с. 227–229). М.: Академический проект.

Фуко, М. 1999. *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem.

Харт Ниббриг, К. Л. 2005. *Эстетика смерти*. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха.

Хуземан, Ф. 1997. *Об образе и смысле смерти*. М.: Энигма.

Чанышев, А. Н. 2005. Трактаг о небытии. *Философия и общество* 1: 5–15.

Черчилль, У. 2006. *Британия в Новое время*. Смоленск: Русич.

Штайнер, Р. 2004. *Очерк тайноведения*. Харьков: Фолио.

Эвола, Ю. 2005. *Оседлать тигра*. СПб.: Владимир Даль.

Элиаде, М. 2002. *Оккультизм, колдовство и моды в культуре*. Киев – М.: София – Гелиос.

Эпос о Гильгамеше. 1973. М.: Худ. лит-ра.

Янкелевич, В. 1999. *Смерть*. М.: Изд-во Лит. ин-та.